

А. З. Винников, В. И. Дьнин, С. П. Толкачева. Локально-этнические группы на запад в конце 1943 — начале 1944 г. Многие оказались в Прибалтике, где трудились на хуторах; часть местных жителей была вывезена на работы в Германию. Одна информантка оказалась даже во Франции, где участвовала в строительстве оборонительных сооружений Атлантического вала. Соответственно, сама жизнь на чужбине и различные приключения во время дороги домой в 1945 г. присутствуют во всех рассказах. Впоследствии информанты русской национальности из числа лиц, находившихся на оккупированной территории или за границей, репрессиям не подвергались.

Память о войне поддерживалась в последующие десятилетия средствами массовой информации, среди которых значительную роль играла местная пресса. Тем не менее, в ходе интервью информанты ориентировались, в первую очередь, на свой жизненный опыт, указывая на несовпадения пережитого ими с официальными версиями локальной военной истории. Полевые исследования показали важность передачи воспоминаний о событиях военного времени при формировании исторической памяти современного населения региона.

¹ Томас П. Устная история. Голос прошлого. М., 2003.

² См., например: Витухновская М. На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х годов. СПб., 2000; Воронина Т. Ю., Гусинцева И. Е., Календарова В. В. Блокада глазами очевидцев: Интервью с жителями Ленинграда 1940-х гг. // Нестор. СПб.; Кулинев; Париж, 2003. № 6.

³ См., например: Рефлексивное крестьяноведение. М., 2002; Конструирование этничности: Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб., 1998; Хабенская Е. О. Татары о татарском. М., 2003.

А. З. Винников, В. И. Дьнин, С. П. Толкачева

**ЛОКАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ
В СОСТАВЕ ЮЖНОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ**

Обширность этнической территории русских обусловила наличие множества этнографических и субэтнических групп в составе русского народа, каждая из которых имеет свои специфические особенности в языке (говоре) и традиционно-бытовой культуре. Население Воронежского края в прошлом разделялось на несколько локально-этнических (этнотерриториальных), этносо-

словных, этноконфессиональных и иных субэтнических групп (однодворцы, цуканы, экономические/монастырские крестьяне, старообрядцы и другие). Локально-этническими группами в составе южнорусского населения Воронежского края, в частности, являются:

Цуканы – этнотерриториальная группа в составе южнорусского населения, различавшаяся и по сословной категории: в XIX – начале XX века цуканы относились к разрядам помещичьих и монастырских крестьян. В пределах Воронежского края (по данным исследователей XIX – начала XX века Н. И. Второва, А. М. Путинцева, Д. К. Зеленина) цуканы проживали компактной массой в бассейне р. Хворостань: села Московское, Можайское, Коломенское, Каширское, Новоклинское, Верейское, Мосальское, Дорогобужское, Одоевское, Левая Россошь (в пределах Воронежского уезда); Копанище, Тресоруково, Марьино, Почепское, Рождествено, Олень-Колодезь, Дракино, Давыдовка, Солонцы, Борщево (в пределах Коротоянского уезда). Эти села возникли в 1760–1770-х гг., когда здесь были поселены бывшие монастырские крестьяне, переданные в ведение коллегии экономики и называвшиеся экономическими.

К “цуканским” относились также отдельные селения в Нижнедевицком (Березово, Одинцовка, Змеевка), Землянском (Каверино/Таволжанец, Ивановка, Коровкины), Валуйском (Бельий Колодезь), Новохоперском (Каменка/Садовка) уездах. В этих селах проживали помещичьи крестьяне.

Этнографические материалы, собранные в Центральном Черноземье в последние годы, свидетельствуют, что цуканами до сих пор именуют себя жители некоторых сел Семилукского района Воронежской области (Новосильское, Ивановка, Долгомоховка), а также деревень Набоково, Барышиково, Даниловка, сел Васильевка и Малые Борки Тербунского района Липецкой области. В с. Троицкое (Семилукского района) “цуканами” называли “приезжих из Липецкой области”, “не коренных жителей”¹. В с. Усманские Выселки (Панинский район Воронежской области) одну местную жительницу называли “цуканкою” – “по мужу”, который сам был родом “из Кондрашей” (из села Кондрашкино)².

Предполагается, что локальный этноним “цуканы” был первоначально присвоен как прозвище жителям перечисленных выше сел соседями-однодворцами и указывает на особенности их говора: так называемое “цуканье” (или “цоканье”) – неразличение аффрикат *ц* и *ч*. В “Толковом словаре” В. И. Даля читаем:

“Цукан (тамбовское, воронежское) – цокальщик, кто говорит *ц* вместо *ч*”³. Иного мнения придерживался в свое время воронежский краевед А. М. Путинцев, предполагавший, что этноним-прозвище “цукан” происходит либо от *чукавый* (“догадливый, сметливый”), либо от *чукан* – “щеголь”⁴. Существует целый ряд и народных этимологий. Например, по сообщению информаторов из Тербунского района Липецкой области, в селе Казинка “живут цуканы, или суканы” – “в старину здешний барин Штахов якобы менял крепостных на сук, – вероятно, отсюда и название”⁵.

Следует отметить, что в прошлом цоканье действительно являлось одной из характерных особенностей говора “цуканов”; однако большинство жителей “цуканских” селений утратило эту особенность говора в начале XX века. По сообщению из д. Барышниково, цуканы “разговаривают на *ы* – *пычаму, мькароны*”, а в д. Даниловка – “на *и*”⁶.

Однодворцы – сословная по происхождению этнокультурная группа южнорусского населения, потомки военно-служилых людей низшего разряда (стрельцов, пушкарей, казаков и др.), поселенных в XVI–XVII вв. на южной окраине Московского государства для защиты степных границ. В пределах Воронежского края однодворческие селения располагались преимущественно в северо-западной его части (например, в пределах Воронежского уезда это села Никольское, Приваловка, Верхняя Хава, Спасское, Чертовичское, Усмань-Собакино, Курино, Рогачевка, Камышино, Ступино и другие). По данным этнографических исследований 1990–2000-х гг., “однодворцами” называли себя в прошлом (или называют до сих пор) жители целого ряда населенных пунктов Задонского района Липецкой области (села Ксизово, Мухино, Балахна и др.), Хлевенского района (с. Отскочное), Тербунского района (села Урицкое, Солдатское, Новосильское, Березовка, Малые Борки, 2-е Тербуны, Казинка, Дуброво), Семилукского района Воронежской области (села Троицкое, Голосновка)⁷. Село Ксизово, например, по свидетельству информаторов, в прошлом делилось на две части – “однодворщину” и “барщину”; “парни однодворщины и барщины не ходили на половины села друг к другу”; различался и их говор⁸.

В составе однодворческого населения Воронежского края выделяются (или выделялись в прошлом) более мелкие локально-этнические группы со своими этнонимами-прозвищами.

Талагаи (*талагайщина*) – локальная группа однодворцев,

проживавшая в Нижнедевицком (села Новая Ольшанка, Верхнее и Нижнее Турово, Вязноватовка) и Коротоякском (Мастюгино, Оськино, Платава, Россошки, Краснолипые) уездах. *Талагаями* и *талагушками* до сих пор называют также жителей с. Коломенское (в Каширском районе)⁹.

По поводу происхождения этнонима-прозвища "талагаи" высказывались различные точки зрения. По мнению Д. К. Зеленина, например, он происходит от *талагаять* или *талалакать* – "дурно, картаво говорить"¹⁰. Другие исследователи сходятся во мнении, что прозвище однодворцев "талагаи" буквально означает "бездельники, невежи". В. И. Даль указывает несколько различных значений слова "талагаи": лентяй, шатун, тунеяд; большой болван, неуч, невежа; (воронежское бранное) однодворец; вообще странный, чужой мужик, отличающийся по одежде; (симбирское) мордовская женская верхняя рубаха¹¹. А. М. Путинцев считал, что прозвище "талагаи" связано с особенностями одежды: однодворцы Нижнедевицкого уезда якобы носили длинную белую рубаху с "полеками", как у женщин (т.н. *талагай* – верхняя мордовская женская рубаха с вышивками)¹².

Ягуны – однодворческая группа, проживавшая в западной части Нижнедевицкого уезда (села Першино, Ясенки, Березово, Старое и Новое Меловое, Кучугуры, Синие Липяги, Богородицкое, Роговое, Ключи, Горшечное, Солдатское). Прозвище "ягуны" происходит, по всей видимости, от особенностей их говора (произношение *каго*, *яго*)¹³.

Ионки – однодворцы Нижнедевицкого уезда, группа более образованная, чем другие, утратившая к началу XX века архаизмы в говоре, носившая городской костюм¹⁴. Прозвище "ионки" опять-таки связано с особенностями говора (по произношению *ион/ён* вместо *он*).

Щекуны – группа однодворцев "грубого нрава", проживавшая в Нижнедевицком и Коротоякском уездах и иногда приравнивавшаяся к талагаям. По свидетельству Н. И. Лебедевой, *щекуны* (или *щекольщики*) – локальный этноним также жителей с. Роговатое (в Белгородской области). Жители с. Анновка Бобровского района носили прозвище *щегунки*, которое народная этимология производит от *чутунки* (в их говоре звук *ч* заменяется на *щ*: *чутунки=щегунки*). В "Толковом словаре" В. И. Даля *щекун*, *щекуха* (воронежское) – тот, кто говорит *ще* или *що* вместо *что*¹⁵. Щеканье вообще является типичной чертой ряда южнорусских говоров (в том числе, и саянского говора в Курской

области, для которого характерно отсутствие аффрикат и произношение в соответствии ч — мягкого щ, а в соответствии ц — с).

Москали (т.е. "подчиненные Москве") — так называют себя жители с. Татарино (Каменский район Воронежской области). В языке, культуре и быту жителей этого села наблюдается довольно сильное украинское влияние, но в целом сохраняется традиционная русская культура.

Кацапы — самоназвание жителей ряда населенных пунктов в Тербунском районе Липецкой области (села Яковлево, Вислая Поляна, Озерки), Репьевского района Воронежской области (с. Истобное)¹⁶.

Гамаи — локальный этноним-прозвище жителей с. Долгомоховка (Семилукский район), сел Яковлево и Вислая Поляна (Тербунский район Липецкой области). По сообщению информаторов из с. Долгомоховка, в прошлом гамаи были "незакрепленные за барином"; они отличались от цуканов говором (говорили, например, *прийдешь*), носили широкую юбку¹⁷. Этимологически слово *гамай*, вероятно, связано с *гамить* или *гаманить/гаманеть* — "гомонить, говорить громко, шумно, кричать". Возможна также этимологическая связь локального этнонима "гамаи" с бранным *галманы* — "мужик, олух, грубиян, невежа"; в ряде мест Воронежской губернии слово "галманы" являлось прозвищем однодворцев¹⁸. Можно предполагать также связь слова "гамай" с диалектизмом *баглай*, встречающимся в ряде мест Воронежской и Курской областей и имеющим значение "лентяй, дармоед, увалень, лежебока". В начале XX века бранное прозвище "баглай" употреблялось также воронежскими мещанами по отношению к сельским жителям вообще.

Талдоны — прозвище жителей "села Красеньского" (с. Красное Каширского района?), которые говорили: *Ванешка, прими-си скалощку*¹⁹. Этимологически, возможно, связано с *талдонить, талдыкать* — "говорить бестолково" (ср. тамбовско-пензенский диалектизм *далдонить/долдонить* — "болтать, пустословить, много говорить").

История формирования локально-этнических групп Воронежского края — сложная и не до конца решенная научная проблема. Так, по мнению Н. И. Второва, цуканы, например, переселились в Воронежский край из центральных губерний России не ранее 60-х гг. XVIII века. Свой вывод Н. И. Второв основывал на том, что у цуканов "сохранялись в памяти рассказы их дедов о том, из каких мест они вышли", "а сами названия многих селений, в которых живут цуканы, ясно указывают на

места их первоначального жительствова — Московское, Мосальское, Можайское, Коломенское, Каширское, Одоевское, Дорогобужское, Мещовское и т.д.”²⁰. Последующие исследования поставили, однако, под сомнение этот вывод Н. И. Второва. Так, изучение цуканских сел в 1950-х гг. позволило Н. И. Лебедевой предположить, что эта группа населения значительно более древняя, сохранявшаяся в глухих местах южнорусского региона еще с домонгольских времен, а позднее — в XVI–XVIII вв. — впитавшая в себя новые переселенческие волны из центральных уездов России. Подобным образом и так называемые щекуны являются, по мнению Н. И. Лебедевой, остатками древнего славянского населения Дона, позднее смешавшегося с однодворцами или переведенного в разряд служилых людей²¹.

Данные топонимики и археологии свидетельствуют о пребывании в бассейне Среднего Дона отдельных групп финно-угорского населения, которое в домонгольское время так или иначе контактировало с появившимися здесь позднее восточными славянами. Следствием таких контактов могло явиться, в частности, появление цоканья в говоре отдельных групп славянского (позднее — южнорусского) населения. Локально-этническая группа цуканов по своему происхождению могла быть связана как раз с древним славянским населением Среднего Подонья, которое обитало здесь в условиях контактов с финно-угорскими группами. Не исключена поэтому связь этнонима “талдоны” (равно как и других южнорусских диалектизмов типа *долдон*, *далдон*, *талдонить*, *долдонить*) с мокша-мордовским *толдонь*, *толдоння* — “из тех мест, оттуда”. Восточные славяне, появившиеся в указанном регионе, встретили здесь группы более древнего финно-угорского населения, язык которого был им непонятен.

Южнорусское население Воронежского края формировалось в результате сложных миграционных процессов, происходивших на протяжении нескольких столетий, начиная с XVI века. Черета переселенческих волн, занявшая более двух столетий, не могла не сказаться на календарной системе. Часть населения не была в прошлом достаточно тесно связана с земледелием (бывшие однодворцы — служилые люди). Вероятно, поэтому крестьянский аграрный цикл представлен в данной традиции в редуцированном виде.

Несмотря на то, что на протяжении веков под влиянием исторических и социальных условий происходила культурная консолидация различных групп, постепенно исчезали определявшие их названия, все же и до нашего времени сохранились некото-

рые специфические особенности в одежде и других компонентах традиционной культуры. К нашему времени позднейшие переселенцы — т.е. монастырские, экономические крестьяне — уже слились с другими, древнейшими по времени появления в крае группами населения. Различия в говоре, если и были, стерлись, но доказательством существования здесь разных сословных групп убедительно выступают особенности традиционного костюма.

По сообщению из с. Долгомоховка, цуканы — барские крестьяне — носили «платья гаратские». В с. Набоково отмечали отличие цуканов от однодворцев «разговором и обрядом»: цуканы носили юбки *палерешнаи* (полотно идет поперек), а однодворцы — *далявые* (в длину)²². Характерной чертой женской одежды цуканов можно также считать бытование рубахи с прямыми поликами, пришитыми по основе ткани. Отличие ее от рубах других групп южнорусского населения вполне очевидно. Для поясной одежды цуканов характерна так называемая «глухая» понева, которую шили из трех прямых клетчатых полотнищ дотканной шерсти и дополнительного полотнища — прошвы. В комплексе костюма цуканов также отмечено бытование длинного туникообразного передника — «запана». Судя по материалам этнографической коллекции Воронежского областного краеведческого музея и полевым исследованиям последних лет, у цуканов была распространена весьма архаичная форма женского головного убора — кички — с рогами, торчащими кверху. В женском головном уборе цуканов сохранялся и ряд других архаичных южнорусских черт. Анализ традиционного костюма цуканов Воронежского края дает основания предполагать архаичный характер и древнее происхождение этой локально-этнической группы южнорусского населения.

Костюм однодворцев (в своем женском варианте) имеет ряд особенностей, отличающих его от традиционной одежды других групп южнорусского населения. Так, по сообщению из с. Солдатское, однодворцы носили юбки *челноками* или *далявые*. Характерными элементами женского костюма однодворческого населения Воронежского, Землянского, Задонского уездов являются: рубаха с большим отложным воротником, с прямыми поликами, пришитыми по основе ткани; рукава с большими оборками шириной до 20 см; в качестве поясной одежды большей частью использовалась полосатая юбка по типу юбки «андарак» (встречавшаяся в Прибалтике и Белоруссии); нагрудная одежда — душегреи и жилетки; головной убор — так называемый «однодворческий кокошник». Этими чертами костюм однодворцев

указанных уездов сильно отличается от южнорусского костюма, характерного для ряда других однодворческих групп Воронежского края – в частности, талагаев и ягунов. Можно предполагать, что указанные особенности однодворческого костюма связаны по своему происхождению с Подмосковьем, откуда в свое время как раз и переселялось служилое население в южные районы, в том числе – на территорию Воронежского края. Отмечается сходство костюма помещичьих крестьян и однодворцев сел Мальшево, Устье и Петино с костюмом однодворцев-талагаев из Нижнедевицкого уезда.

У щекунгов Нижнедевицкого и Коротояжского уездов в одежде бытовала особая рубаха с косыми поликами (причем район бытования такой рубахи, по данным Л. Н. Чижиковой, простирается полосой по правому берегу Дона вплоть до р. Потудань)²³. Н. И. Лебедева полагает, что у щекунгов Нижнедевицкого уезда прослеживаются реликты местной домонгольской одежды и обуви (черные шушпаны, нагрудники-пузатки, шерстяные черные оборы). У щекольщиков с. Роговатое также имеют место архаичные черты в женской одежде (рогатая кичка и т.п.), а вышивки на рубахах аналогичны вышивкам на старинных рубахах с Черниговщины²⁴.

В традиционной обрядовой системе южнорусского населения на протяжении XIX–XX вв. происходили огромные перемены, связанные, в первую очередь, с изменением мировосприятия крестьянина. Несмотря на прогрессирующее вымирание многих обычаев и обрядов, в настоящее время еще возможно реконструировать картину народных представлений и верований на основе рассказов местных жителей.

На ранневесеннюю календарную обрядность сильное воздействие оказала христианская традиция. Видимо, в связи со всевозможными запретами в этот период, ритуальные действия не получили широкого распространения в этот сезон. Все сохранившиеся обряды этого периода были связаны с воздействием на будущую урожайность, поэтому важнейшее значение в них приобретают магические свойства хлебной выпечки.

Вероятно, вследствие довольно значительной редукции ритуально-магических действий в сознании крестьянства сформировалась иная система верований, также основанная на языческом мировосприятии, но связанная с потусторонними нечистыми силами. Так, например, в традиционном мировосприятии жителей большинства обследованных сел огромное значение имеют

А. З. Винников, В. И. Дынин, С. П. Толкачева. Локально-этнические группы поверья, связанные с колдунами. На их основе широкое распространение получил жанр былички.

В традиционно-бытовой культуре различных локальных групп южнорусского населения Воронежского края отмечаются определенные особенности, но в целом культура таких групп не выбивается из общеюжнорусских традиций. Следует отметить общность традиционной культуры южнорусского сельского населения, ассимилировавшей разнообразные элементы традиций различных (в прошлом) групп местного и пришлого населения. Южнорусская традиция, безусловно, обладает многоуровневой организацией, в основе которой, однако, лежат общие для южнорусской территории явления.

¹ Архив Кабинета народной музыки Воронежской государственной академии искусств (Далее – АКНМ ВГАИ). Описи аудиоматериалов (далее – ОА). Ед. хр. 772. № 2, 11; 762. № 5–6; 710. № 9, 62; 706. № 16–17; 714. № 18; Экспедиционные отчеты (далее – ЭО). Ед. хр. 109. № 5.

² Архив учебно-научной лаборатории "Этнография Центрально-Черноземных областей России" при Воронежском государственном университете (Далее – АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ). Ед. хр. № 5. Л. 2.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1882. Т. 4. С. 575.

⁴ Путинцев А. М. Пища и напитки в верховом цуканском селе // Народный быт. Воронеж, 1927. Вып. 1. С. 44.

⁵ АКНМ ВГАИ. ОА. Ед. хр. 776. № 25.

⁶ Там же. Ед. хр. 762. № 5–6.

⁷ Там же. Ед. хр. 714. № 18; 710. № 62; ЭО. Ед. хр. 109. № 5; АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Ед. хр. № 9. Л. 9, 15.

⁸ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Ед. хр. № 9. Л. 9, 15.

⁹ Там же. Ед. хр. № 5. Л. 2.

¹⁰ Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных, в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 81; Он же. Талагаи и цуканы // Памятная книжка Воронежской губернии на 1907 год. Воронеж, 1908.

¹¹ Даль В. И. Указ. соч. С. 388.

¹² Путинцев А. М. Указ. соч. С. 44.

¹³ Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века). М., 1988. С. 37.

¹⁴ Русские: этнотерритория, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.). М., 1999. Т. 1. С. 95.

¹⁵ Даль В. И. Указ. соч. С. 653.

¹⁶ АКНМ ВГАИ. ЭО. Ед. хр. 109. № 5; ОА. Ед. хр. 855. № 13.

¹⁷ Там же; ОА. Ед. хр. 706. № 16–17; 778. № 37.

¹⁸ Даль В. И. Указ. соч. 1880. Т. 1. С. 343, 342.

¹⁹ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Ед. хр. № 5. Л. 2–3.

²⁰ Второв Н. Приложение к этнографическому альбому и этнографической карте Воронежской губернии. Рукопись // Фонды Воронежского областного краеведческого музея. ВОР № 4325. С. 64.

²¹ Лебедева Н. И. Этнографическая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М., 1960 (Труды Института этнографии АН СССР. Т. 57). С. 264–265.

²² АКНМ ВГАИ. ОА. Ед. хр. 706. № 16–17; 769. № 14; 772. № 16.

²³ Чижикова Л. Н. Указ. соч. С. 146–147.

²⁴ Лебедева Н. И. Указ. соч. С. 264.

О. В. Трофимова

**ТЮМЕНСКАЯ ДЕЛОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ 1762–1796 гг.
В КОНТЕКСТЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА**

Современная лингвистика все чаще включает в сферу своих исследований деловой текст — сегодня формируется такое направление, как документная лингвистика (в частности, подобная дисциплина есть в учебном плане подготовки студентов по специальности “Документоведение”). Однако становление этого направления гуманитарных исследований осложняется тем, что на сегодняшний день не сложилось отношение к документу, в частности к рукописному документу, как к комплексному источнику — носителю информации в разных сферах социальной и личной жизни человека, общества и государства. Одной из актуальных задач лингвистического анализа документа в связи с этим является выработка методики анализа конкретного источника как феномена цельности формуляра и его текстового наполнения.

Воспринимая письменный источник, который когда-то был создан человеком и запечатлел образ мира своего создателя, любой исследователь создает в результате своих наблюдений текст — то есть новый источник, отражающий новый этап познания и собственное я исследователя в новой форме мышления. Это мышление лишь “частично переводится” в другие формы, присутствующие другим исследователям, как современникам, так и предшественникам и потомкам. Очень важны в этом контексте замечания филологов, призывающих учитывать возможную омонимичность слов в результате фактора времени. Так, В. В. Колесов пишет, в частности, о словах *рабь* и *холопъ*, что “современный историк, понимая древнерусское слово как однозначный